

КУЛЬТ ВЕРХОВНОГО БОГА ХУЫЦАУ И БОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ АЦАМАЗА В ОСЕТИНСКОМ НАРТОВСКОМ ЭПОСЕ

Плаева Зарина Казбековна, младший научный сотрудник, отдел фольклора и литературы, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ, Россия); <https://orcid.org/0000-0002-5220-8490>; zarina_plaeva@mail.ru

Статья посвящена отражению этнической религии в нарттовском эпосе осетин, а именно божественному происхождению рода Ацамаза, связанного кровными узами с небожителем Афсати и верховным Богом Хуыцау. Ацамаз – музыкант, выступающий связующим звеном между различными мирами, получает волшебную свирель от Афсати, что символизирует его избранность. Одноглазость героя указывает на его мистическую мудрость. Актуальность исследования обусловлена возросшим интересом к древнеиранскому наследию в осетинском эпосе и древнеиранским истокам осетинской этнической религии. Цель исследования заключается в том, чтобы изучить специфику эпических представлений о близком родстве некоторых нарттов с верховным Богом и эпический образ самого верховного Бога. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые рассматривается это родство, а Хуыцау, как верховное божество осетин, аналогичен Ахурамазде и представлен в эпосе как творец, арбитр и источник справедливости, находящийся в родстве с небожителями и эпическими героями. Его культ восходит к аланской эпохе и сохраняется в народных праздниках и молитвах. Прибегнув к сравнительно-исторической методологии, автор статьи рассматривает образ верховного Бога Хуыцау в осетинской мифологии и эпосе, его функции, антропоморфные черты и тесные родственные связи с героями Нартиады, прежде всего с Ацамазом. Результаты исследования показывают, что Хуыцау предстает как архаичное божество, восходящее к общеиранским религиозным представлениям. Родственные связи с Богом имеют Ацамаз, Батраз, Елой и другие персонажи, что подчеркивает их избранность. Через мотивы мифологического родства раскрываются универсалии дохристианского пантеона, устойчивые этнорелигиозные модели и представления о божественной справедливости, власти и магии. Образ Хуыцау как высокопоставленного родственника Ацамаза и других нарттов органично вписывается в структуру осетинского эпоса, демонстрируя его глубинную связь с древними иранскими верованиями и роль в формировании национальной идентичности осетин.

Ключевые слова: нарттовский эпос осетин, мифология, божественное происхождение, Ацамаз, Бог (Хуыцау), Ахурамазда.

Для цитирования: Плаева З.К. Культ верховного Бога Хуыцау и божественное происхождение Ацамаза в осетинском нарттовском эпосе // KAVKAZ-FORUM. 2025. Вып. 23 (30). С. 32-43. DOI: 10.46698/VNC.2025.30.23.002

Введение

Отражение религиозных представлений осетин в нарттовском эпосе является крайне важной и не до конца исследованной проблемой. Особенно это касается персонажей высшей мифологии и конкретно Хуыцау, рассмотрения образа которого исследователи нарттовского эпоса, ввиду ряда вненаучных причин, раньше избегали. В рамках средневековой теории происхождения эпоса он рассматривался просто как христианский Бог, привнесенный в осетинский пантеон извне во время попыток христианизации Алании и почти лишенный какой-либо особой специфики, а само его имя – как кавказское заимствование. Однако сейчас, когда, с одной стороны, наблюдается интерес этнологов и фольклористов к этнической религии осетин и ее древнеиранским истокам, а с другой – нарттовский эпос рассматривается, в том числе с приобщением археологических данных, как древнеиранское наследие, исследуются его параллели с древними зороастрийскими мифами, персидским книжным героическим эпосом, средневековыми персо-таджикскими дастанами и хикаятами, сказками и легендами ираноязычных народов, изучение эпического видения Хуыцау становится все более актуальным. Оно поможет пролить свет как на формирование осетинской этнической религии, так и на взаимосвязи нарттовского эпоса с древнеиранским миром.

Поэтому целью данного исследования выступает выявление исторических корней и генезиса образа верховного Бога Хуыцау как родственника Ацамаза и других эпических персонажей в текстах нарттовского эпоса осетин в соотношении с реалиями осетинского быта, зафиксированными этнографами, и историческими данными о древнеиранской религии.

Объектом анализа являются осетинские эпические тексты, преимущественно малых циклов Нартиады, тогда как предметом – отраженные в них представления о центральной фигуре осетинского пантеона, верховном Боге Хуыцау, и кровных узах, связывающих его с эпическим героем Ацамазом. Потребность выявить обстоятельства формирования данного эпического мотива в контексте этнической истории осетин и его обусловленность этнографической действительностью побуждает прибегнуть к методологии сравнительно-исторического изучения.

Основная часть

Согласно текстам осетинского нарттовского эпоса, волшебный музыкант и певец Ацамаз из рода Ацата чаще всего рождается после смерти отца Аца или теряет его, будучи младенцем. В одном из сказаний на дигорском диалекте осетинского языка «Адæкези кизгæ Уадæфтауæ» – «Дочь Адакез Уадзафтауа», записанном Михалом Гардановым в начале XX в. от своего деда Баззе Колоева в селении Махческ, упоминается божественное происхождение рода Ацамаза. Согласно этому сюжету, Уадзафтауа – своенравная, несравненной красоты девушка, к которой сватались именитые нартты: Урызмаг, Хамыц, Сослан, Ай-

сана, Батраз. Однако девушка находила у каждого из них какой-то недостаток. Тогда Ацамаз из рода Ацата решил сосватать ее за своего сына. Именно представителя из рода Ацата Уадзафтауа посчитала достойным для себя. Она сказала Ацамазу: «Хуыцауы хæстæг 'ма нæ хæстæг» (Божий родственник и наш родственник) [1, 390].

По мнению нартоведов, эпизод, когда Уадзафтауа отдает предпочтение Ацамазу, показывает, что эпос очень чувствительный ко всяким признакам иерархических проявлений, утверждает превосходство Ацамаза над Батразом и другими виднейшими нартами. Если Батраз безупречен, то Ацамаз вообще выше любой оценки [2, 90]. Одной из причин для такого мнения, согласно сказанию, являются его родственные отношения с верховным Богом Хуыцау.

В осетинской Нартиаде образ музыканта и певца Ацамаза – один из самых ярких и самых древних. Ацамаз, сын старца Аца из жреческого рода Ацата, играет на волшебной свирели. Этот музыкальный инструмент герою достался в наследство от его отца Аца. Однако первоначальным владельцем этой свирели был небожитель Афсати, который в осетинском эпосе ассоциируется с музыкой. Он является обладателем и дарителем чудодейственного уадындза – золотой свирели Ацамаза. Ее звуки оказывают благотворное, пробуждающее и живительное воздействие на природу, заставляют веселиться и пускаться в пляс всех живых существ. Согласно большинству текстов, свирель передается Ацамазу именно небожителем Афсати – покровителем диких животных. На неземное происхождение свирели может указывать и металл (золото), из которого она изготовлена. Что касается ее обладателя, то он в осетинском эпосе выступает своеобразным посредником между людьми и иным миром [3, 67–78].

В кадагах о нартах осетинского народа Ацамаз имел необыкновенное преимущество: его отец был верным другом небожителя Афсати, покровителя всех охотников и могущественного владыки диких зверей, особенно рогатых – оленей, туров и коз. Только старый Аца обладал привилегией ежегодного посещения своего сверхъестественного друга. В одном из текстов на дигорском диалекте осетинского языка говорится, что сыновья Аца были племянниками (хуæрифурттæ) Афсати, которым этот небожитель подарил удивительную желтую свирель [1, 374–375]. Следовательно, нарт Аца и небожитель Афсати состояли в родственных отношениях. Их близость подтверждается тем фактом, что Афсати в эпосе неоднократно оказывает помощь сыну Аца: он предоставляет ему свадебную колесницу с серебряными оглоблями, которую тянут семь оленей с ветвистыми рогами, направляет своего сына на помощь Ацамазу в борьбе с угнетавшим нартов Быда-уаигом, предлагает советы, способствующие победе главного героя над противником. С помощью главного подарка, полученного от Афсати, золотой свирели, Ацамаз пытается завоевать сердце своей возлюбленной Агунды при сватовстве, а также собирает животных для уплаты свадебного выкупа. Это один из наиболее примечательных примеров тесных взаимоотношений нартов с божественными силами [4, 75, 172; 5, 47–50].

Небожителя Афсати и нарта Ацамаза также сближает одноглазость. В одной из наиболее ранних записей сказаний на иронском диалекте Ацамаз появляется как юноша с одним глазом, расположенным между бровями [5,

54]. Эта физиологическая особенность может указывать на его божественное происхождение, на связь с небожителем Афсати. Возможно, она символизирует божественную мудрость, «второе зрение», необходимое для понимания тайн иномирья [5, 54–55]. Одноглазость Ацамаза обеспечивает ему дар ясно-видения, связь с другими, запредельными мирами.

Исходя из вышесказанного, очевидно, что Афсати, в свою очередь, находится в родстве с Хуыцау – в осетинской мифологии высшим Богом, творцом и управителем мироздания. Образ Хуыцау малоисследован, потому что нартоведы прошлого, чтобы избежать опасных в то время обвинений осетинского эпоса в клерикализме, а значит, «ненародности», сознательно приуменьшали значимость верховного божества и подавали его малоактивным, лишенным индивидуальных черт [6, 112].

На самом деле такие транслируемые в научной литературе представления об этнической религии Осетии не совсем соответствовали действительности, а реальная картина осетинских народных верований была гораздо сложнее и существенно отличалась от этих умышленно поверхностных, предвзятых взглядов. Осетины представляли себе Хуыцау как Бога Богов (Хуыцæутты Хуыцау), имеющего многочисленные родственные связи со всеми небожителями и героями эпоса. По замечанию Вс.Ф. Миллера, небожители занимали в религиозных представлениях осетин «такое же место, как боги у древних греков, германцев или славян, и можно нередко слышать, как он называет верховного Бога Богом богов (Хуыцæутты Хуыцау), допуская тем самым... существование других богов, подчиненных Высшему» [7, 239]. Так к нему обращаются и герои нартовского, царциатского и даредзановского эпоса осетин [8, 139, 151, 185, 247, 250, 254, 341, 356, 382; 9, 50, 106, 174, 220, 351; 10, 53; 11, 20].

Эти представления выразительно сближают главу осетинского пантеона Хуыцау с южноиранским верховным богом Ахурамаздой. Ахурамазда в представлении верующих ни с какими природными явлениями не связывался, но являлся воплощением мудрости, которая должна управлять всеми действиями и богов, и людей [12, 17, 28–30]. Консервативная традиция персидских жрецов сохранила унаследованные от эпохи индоиранского единства значения, которые связаны с архаичной системой представлений о принципе вселенского закона арта (у осетин ард), а также круг соответствующих ей понятий (истина, ложь, власть, господство, мудрость, творения, духовная сила, наказание и спасение). Это были понятия, с помощью которых пророк Заратустра рассказывает о власти Ахурамазды в мироздании. Они отражают наличие древней традиции почитания верховного бога с такими же характеристиками. Ахурамазде помогают язаты – особый вид божеств, которые в зороастризме эволюционировали до уровня ангелоподобных созданий, духов [13, 114–116; 14, 129, 138–139, 143]. Ахурамазда не был абстрактным, он имел антропоморфный облик и в этом облике изображался [15, 48]. Согласно Видевдату (XIX. 32, 36), обителью Ахурамазды и бессмертных святых Амеша Спента была сияющая Гаронмана (буквально «Дом песнопения»). Это самое высокое место на небесах [16, 267–269].

В качестве Верховного Бога или просто Великого Бога среди остальных великих богов Ахурамазду почитали в южноиранских землях задолго до Зара-

тустры. Под этим именем он встречается в письменах персидских царей династии Ахеменидов, а его характеристика близка осетинским религиозным представлениям. В первой надписи, которую Дарий приказал высечь на Накш-и-Рустаме вблизи Персеполя, Ахурамазда восхваляется как «великий бог, который сотворил эту землю, кто сотворил небо, кто сотворил человека, кто сотворил счастье для человека, кто сделал Дария царем, царем над многими, господином над многими» [17, 290–291]. По мнению осетиноведов, эти представления о великом верховном Боге существовали задолго до принятия предками осетин монотеистической религии [4, 60]. С этим был согласен Вс.Ф. Миллер, который писал: «До принятия ислама и христианства осетины верили и верят в существование одного верховного невидимого Бога, пребывающего где-то на небе и управляющего миром» [7, 239]. Культ Хуыцау – великого Бога Богов, сотворившего землю и ее обитателей, всезнающего и всевидящего, но нередко незримого божества, – в осетинской мифологии восходил к скифо-сарматскому и аланскому времени и имел общеиранские истоки, как и его имя, согласно новейшим лингвистическим исследованиям [13, 115–116]. Хуыцау, находясь на небесах и управляя миром, пристально наблюдал за всем, что происходило на земле. Ему были известны нужды и заботы людей благодаря небесным и земным духам – зэдам и дауагам (зæдтæ æмæ дауджытæ), через которых он действовал. Дополнительную роль в этом играли Уацилла и особенно любимый им Уастырджи, который выступал посредником Хуыцау между небесами и землей. Лишь изредка Хуыцау сам спускался на землю. Станным и предвзятым выглядит заявление, что никто не знает, где он живет [18, 107]. Согласно текстам осетинского эпоса, дом Хуыцау (Хуыцауы хæдзар) находится на седьмом небе, куда к нему прилетает ласточка с вестями о нартах [19, 444]. Все направляются к нему туда, в его двор. Бог – высшая инстанция в небесных разбирательствах, олицетворение справедливости и нравственности [20, 60]. В нартовских сказаниях Хуыцау как раз пребывает на небесах, иногда приходя на выручку небожителям в их столкновениях с нартами. Его именем клянутся нарты, к его помощи часто прибегает Шатана, прося Хуыцау то напустить холод среди лета, или же, наоборот, вызвать таяние вечных снегов: «Бог Богов, мой Бог, если ты для чего-то меня создал, то прошу тебя, окажи мне милость! Пошли сегодня ночью на землю все те снега и дожди, которые предназначены тобою на будущие семь лет. Подыми вихри и ураганы!» [18, 107–108]. Имя Хуыцау звучало повсюду, в каждом уголке осетинской жизни, оно было неотъемлемой частью всех пожеланий, которыми так изобилуют этикет повседневных взаимоотношений [4, 60; 7, 239]. До сих пор речь осетин, особенно тосты, клятвы, пожелания, проклятия, изобилуют именем верховного Бога: «Хуыцауы хорзæх дæ уæд!» (Да будет тебе милость Божья!), «О Хуыцау, уæдæ нын баххуыс кæн!» (Боже, так помоги нам!), «Хуыцауы хорзæх ссар!» (Получи милость Божью!) [18, 108]. Венгерский ориенталист граф Енё Зичи, посетив Осетию, в 1897 г. писал: «Самым могущественным божеством осетинского рая является Хузан; его имя встречается во всех осетинских молитвах, так как он податель добра и зла; это он посылает духов жатвы, здоровья, счастья на охоте и т.д.» [21, 289]. В целом Хуыцау почитался одинаково всеми этническими группами осетин. В некоторых селах Верховный Бог пользовался особым уважением, о чем свидетельствовало наличие святилищ в его честь.

Одним из таких, например, было святилище Хуыцауы дзуар вблизи селения Лац Куртатинского ущелья [22, 367]. Время отмечаемого праздника в его честь варьировалось в разных ущельях Осетии. В наиболее известном святилище Хуыцауы дзуар, расположенном в селении Даргавс, праздник устраивается через неделю после Кахцганана. Жрецы, ведя с собой быка для праздничного жертвоприношения, обходили дворы селения, собирая солод для пива. Приготовленное пиво молодые женщины доставляли к месту праздничной трапезы – найфат, часто расположенному на возвышенности. В масштабе всего ущелья праздник в честь Хуыцауы дзуара проводился в селении Лац и включал скачки, игры и танцы, что указывает на его древнее, домонотеистическое происхождение. При посещении святилища действовали строгие правила: запрещено было приходить с оружием, следовало спешиться и снять головной убор перед тем, как приблизиться. В районе Тагаурии чествование Хуыцауы дзуара происходило в конце июля, а в Центральной Осетии праздник совпадал с торжествами скотоводческого цикла Ичъына [20, 61].

Любопытно отметить, что осетины, эмигрировавшие из Осетии в Турцию в середине XIX – начале XX в., до настоящего времени в осетинской речи употребляют имя Бога Хуыцау. К примеру, из уст старшего поколения часто можно услышать: «Хуыцау дын æххуысгæнæг уæд» (Да поможет тебе Бог) или «Хуыцау сабырдзинад раттæд» (Дай Бог терпения) и др.

У осетин Верховный Бог изображается антропоморфным, и в народном религиозно-мифологическом представлении ему приписываются человеческие черты. Например, считается, что он обладает способностью плакать (пословица: «Реком, Таранджелоз и Мыкалгабыртæ – три слезы Бога» 'Реком, Таранджелоз æмæ Мыкалгабыр – Хуыцауы æртæ цæстысыджы') [23, 62]. Открыв двери неба, он смотрит на нартов [24, 19]. Вопреки утверждениям, что в эпосе нет описания облика Хуыцау, то есть он не принадлежит к числу антропоморфных богов [18, 108], осетинские сказания как раз упоминают усы Бога (Хуыцауы рихитæ), видимо, особо роскошные и длинные, которые с подачи коварного Сырдона желает иметь тщеславный правитель Дзылы-маликк, чтобы слыть земным Богом (зæххон Хуыцау) [25, 596]. Видимо, это важная, примечательная черта внешности Бога, которая роднит его с усатыми энеолитическими и скифскими изваяниями. В связи со скифской монументальной скульптурой археологи отмечают, что для эпохи архаики значимым хронологическим признаком является изображение висячих усов, тогда как бороды на идолах этого времени отсутствуют [26, 174–175].

Функции верховного Бога Хуыцауутты Хуыцау, как и у Ахурамазды, – это власть, военная мудрость, магия [18, 108]. Необходимо добавить, что в осетинском эпосе Ацамаз не один имеет родственные связи с небожителями и Богом, пользуясь высоким покровительством. Согласно сказанию «Нарт Батраз и Балкар-маликк», при знакомстве с небесным кузнецом Курдалагоном неуязвимый Батраз называет себя племянником Бога (Æз дæн Хуыцауы хæрæфырт) [27, 170].

Другой персонаж эпоса Елой из Елынуата тоже является племянником Бога. У него есть волшебная палка. В бою он один на один победил нарта Бызарику [25, 575–577, 719].

В сюжете «Дары Бога нартам» Ацамаз на свадьбу племянника Бога (имя его не указано) пригласил нартов и сыграл им на своей волшебной свирели, которую, согласно сюжету этого сказания, подарил ему сам Бог [9, 36–37]. Важно, что в осетинской традиционной культуре родству дяди и племянника придавали особое значение, которое отразилось в обычаях и поговорках. Оно порой считалось даже ближе, чем родство между братьями [2, 168–169].

Племянницей Бога также является Арвы рæсугъд (Небесная красавица). В кадаге «Свадьба Бора» («Борайы чындзæхсæв») она становится женой нарта Бора:

«Великого Бога племянницу
Взяли в невесты себе тогда Нарты;
Сыграли они большую свадьбу».
(Ыстыр Хуыцауæн йæ хæрæфырты
Чындзæн сæхицæн уæд Нарт æрхастой;
Ыстыр чындзæхсæв уыдон скодтой) [19, 47].

Ввиду всего этого сомнительным является утверждение, что Хуыцауты Хуыцау не принимает никакого участия в жизни и деяниях мифических и эпических героев [18, 107]. Родство с Богом характерно также для персонажей осетинского даредзановского эпоса. Согласно сказанию «Как Нарты и Даредзаны оказывали друг другу родственное внимание» («Нарт æмæ Даредзантæ æрвадиуæг куыд кодтой»), сестрой Бога является Аст-Дораскан (Хуыцауы хо), мать Амрана. То, что Амран является племянником Бога, – это традиционный мифический мотив в фольклоре осетин. В других вариантах сказаний Амран родился от Йамона из рода Даредзанта и племянницы Бога Марии [28, 331–334; 25, 609].

Поэтому нельзя согласиться с растущими из теории средневекового происхождения нартовских сказаний выводами, что Хуыцау – это новый, христианский Бог, которого не принимают нарты [24, 18–19]. Осетинский Хуыцау с его многочисленными родственными связями, включающими в себя героев эпоса, выглядит намного древнее, архаичнее южноиранского Ахурамазды, но и последний является отцом некоторых божественных существ [17, 284]. В частности, Яшт 17 (2, 16) величает Ахурамазду отцом богов Аши, Сраоши, Рашну, Митры и самой религии, а его супругой названа богиня Спента Армайти [29, 361, 365]. К другим богам, например богине Анахите, Ахурамазда обращается за помощью, принеся даже ей жертву [17, 298]. Античная традиция, опираясь на неизвестный иранский источник, приписывала Ахурамазде к тому же отцовство Заратустры. В «Алкивиаде I» Псевдо-Платона (121Е–122), в том месте, где говорится о воспитании царских детей у персов, включающем обучение магии Зороастра, последний назван сыном Оромазда, верховного бога зороастрийцев [30, 48].

Заключение

Таким образом, в текстах нартовского эпоса осетин, особенно в принадлежащих к малым эпическим циклам, отразились древнеиранские религиозно-мифологические представления о высшем божестве и его родстве с эпическими героями, которое играет важную роль в определении их общественного статуса.

Приведенные выше примеры указывают на высокое божественное происхождение ряда персонажей сказаний. Ацамаз, которого выделяют при сватовстве к красавице Уадзафтауа благодаря этому обстоятельству, – не единственный герой осетинского эпоса, который связан с Хуыцау родством. Осетинские нарты не только дружат с небожителями и вместе пируют, но и связаны с ними многочисленными родственными узами, которые распространяются и на верховного Бога. Божественное происхождение выделяет таких персонажей эпоса из общей среды, наделяя их особой красотой, силой, способностями, владением драгоценными артефактами. Отсюда желание других нартов породниться с ними, занять высокую родню. Образ верховного Бога Богов Хуыцау в нартовском эпосе полностью соответствует мифологии и религиозным воззрениям осетин, дополняясь при этом некоторыми архаичными чертами. Он восходит к общеиранскому прошлому, как и основа нартовского эпоса. Наперекор утверждениям фольклористов прошлого, Хуыцау в сказаниях далеко не безучастен и не малоактивен. Этнографами также зафиксировано функционирование его святилищ и бытование празднеств в его честь. Через сказания о нартах раскрываются универсалии главенствующего Бога и всего дохристианского и домусульманского пантеона, которые играют важную роль в осетинской национальной культуре, а также транслируются устойчивые модели традиционного этнорелигиозного поведения.

1. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа [Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос]. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева, 2007. Кн. IV. 548 с. (на осет. яз.).

2. Чочиев А.Р. Нарты-арии и арийская идеология. В 2 кн. М.: АКАЛИС, 1996. Кн. 1. 263 с.

3. Плаева З.К. Музыкальные инструменты в нартовском эпосе осетин: Свирель Ацамаза // Традиционная культура. 2016. № 4 (64). С. 67–78.

4. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. М.: РОССПЭН, 2008. 711 с.

5. Плаева З.К. Небожитель Афсати – первоначальный владелец свирели Ацамаза // V Всероссийские Миллеровские чтения. 2016. Вып. 5. С. 47–58.

6. Абаев В.И. Избранные труды. В 2 т. Владикавказ: Ир, 1990. Т. 1. Религия, фольклор, литература. 640 с.

7. Миллер Вс. Осетинские этюды. Ч. 2. Исследования. М.: Типография А. Иванова (бывш. Миллера), 1882. 304 с.

8. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа [Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос]. Владикавказ: Иристон, 2003. Ч. 1. 592 с. (на осет. яз.).

9. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа [Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос]. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева, 2004. Кн. 2. 896 с. (на осет. яз.).

10. Амран: осетинский эпос. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева, 2020. 240 с.

11. Легенды о Царциата: эпос осетинского народа [Царциаты таурæгътæ: ирон адæмы эпос] / сост. Ф.М. Таказов. Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2007. 312 с. (на осет. яз.).

12. *Бойс М.* Зороастрийцы. Верования и обычаи. М.: Наука, 1987. 303 с.
13. *Барабанов О.Н.* Хуцау и дауаги: два нерешенных вопроса в историко-семиотическом анализе дохристианских индоевропейских верований у аланов // *Пространство и время.* 2013. № 4 (14). С. 111–118.
14. *Москаленко И.И.* Традиционное сознание индоиранских народов в его культурно-историческом развитии. М.: Триумф, 2018. 257 с.
15. *Рак И.В.* Мифы древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). СПб.–М.: Журнал «Нева» – Летний Сад, 1998. 560 с.
16. Авеста. «Закон против дэвов» (Видевдат) / перевод, исследование и комментарии Э.В. Ртвеладзе, А.Х. Саидова, Е.В. Абдуллаева. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2008. 301 с.
17. *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. В 3 т. М.: Критерий, 2001. Т. I. От каменного века до Элевсинских мистерий. 464 с.
18. *Джанаева Н.А.* Некоторые мифологические мотивы в нартском эпосе осетин // *Вопросы осетинской литературы и фольклора.* Орджоникидзе: Северо-Осетинский научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики при Совете министров Северо-Осетинской АССР, 1984. С. 103–119.
19. *Нартовские сказания.* Эпос осетинского народа [Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос]. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. Кн. VI. 544 с. (на осет. яз.).
20. *Таказов Ф.М.* Мифологические архетипы модели мира в осетинской космогонии. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ РАН и РСО-А, 2014. 211 с.
21. *Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII–XIX вв.)* / сост. Б.А. Калоева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. 320 с.
22. *Калоев Б.А.* Осетины: историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 2004. 471 с.
23. *Кочиева Д.А.* Ключевое слово «Хуыцау» в семантике осетинских паремий // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики.* 2016. № 3. С. 57–64.
24. *Абаева З.В.* Этюды по нартскому эпосу. Цхинвали: Ирыстон, 1978. 179 с.
25. *Нартовские сказания.* Эпос осетинского народа [Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос]. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. Кн. V. 766 с. (на осет. яз.).
26. *Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2003. 416 с.
27. *Нартовские сказания.* Эпос осетинского народа [Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос]. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева, 2005. Кн. III. 712 с. (на осет. яз.).
28. *Устное народное творчество осетин* [Ирон адæмон сфæлдыстад]. Владикавказ: Ир, 2007. Кн. I. 719 с. (на осет. яз.).
29. *Авеста в русских переводах (1861–1996)* / сост., общая редакция, примечания и справочный раздел И.В. Рака. СПб.: Журнал «Нева» – РХГИ, 1997. 480 с.
30. *Желтова Е.В.* Античная традиция о персидских магах. СПб.: СПГУ, 2011. 144 с.

Статья поступила в редакцию 13.08.2025,
принята к публикации 12.09.2025,
опубликована 30.09.2025.

Plaeva, Zarina K. – Junior Researcher, Department of Folklore and Literature, V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0000-0002-5220-8490>; zarina_plaeva@mail.ru

CULT OF THE SUPREME GOD XUCAW AND THE DIVINE ORIGIN OF ACAMAZ IN THE OSSETIAN NARTS' EPIC.

Keywords: *Ossetian Narts' epic, mythology, divine origin, Acamaz, God (Xucaw), Ahura Mazda.*

The article deals with the reflection of religion in the Narts' epic of the Ossetians, namely the divine origin of the Acamaz family, connected by blood ties with the deity of hunting and animals Æfsati and the Supreme God Xucaw. Acamaz is a musician who serves as a mediator between different worlds, he receives a magical flute from Æfsati. The one-eyedness of the hero indicates his mystical wisdom. The relevance of the study is due to the increased interest in the ancient Iranian heritage in the Ossetian epic and the ancient Iranian sources of the Ossetian ethnic religion. The purpose of the study is to investigate the specifics of epic ideas about the close relationship of some Narts with the supreme God and the epic image of the supreme God himself. The scientific novelty of the study lies in the fact that this relationship is considered for the first time, and Xucaw, as the supreme deity of the Ossetians, is similar to Ahura Mazda and is presented in the epic as a creator, arbitrator and source of justice, related to the celestials and epic heroes. His cult dates back to the Alanian era and is preserved in folk festivals and prayers. Using comparative historical methodology, the author of the article examines the image of the Supreme God Xucaw in Ossetian mythology and epic, his functions, anthropomorphic features and close family ties with the heroes of Nartiada, first of all with Acamaz. The results of the study show that Xucaw appears as an ancient, archaic deity, dating back to common Iranian religious ideas. He actively participates in the lives of epic heroes, bestowing artifacts and aiding in battles and weddings. Divine kinship is attributed to Acamaz, Batraz, Eloy and other figures, underscoring their chosenness and special status. Through the motifs of mythological kinship the article reveals universals of the pre-Christian pantheon, stable ethno-religious models, and conceptions of divine justice, power, and magic. The image of Xucaw as a high-ranking relative of Acamaz and other Narts is seamlessly integrated into the structure of the Ossetian epic, demonstrating its profound connection to ancient Iranian beliefs and its role in shaping Ossetian national identity.

For citation: Plaeva, Z.K. Cult of the Supreme God Xucaw and the Divine Origin of Acamaz in the Ossetian Narts' Epic. KAVKAZ-FORUM. 2025, iss. 23 (30), pp. 32-43. (In Russian). DOI: 10.46698/VNC.2025.30.23.002

REFERENCES

1. Nartovskie skazaniya. Ehpos osetinskogo naroda [Narts' sagas. The Ossetian National Epic]. Vladikavkaz, Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie im. V.A. Gassieva, 2007, vol. 4, 548 p. (in Ossetian).
2. Chochiev, A.R. Narty-arii i ariiskaya ideologiya. V 2 kn. [Narts-Aryans and Aryan Ideology. In 2 books]. Moscow, AKALIS, 1996, b. 1, 263 p.
3. Plaeva, Z.K. Muzykal'nye instrumenty v nartovskom ehpose osetin: Svirel' Atsamaza [Musical Instruments in the Ossetian Nart Epic: Acamaz's Flute]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2016, no. 4 (64), pp. 67–78.
4. Chibirov, L.A. *Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura osetin* [Traditional Spiritual Culture of the Ossetians]. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2008. 711 p.
5. Plaeva, Z.K. *Nebozhitel' Æfsati – pervonachal'nyi vladelets svireli Atsamaza* [Celestial Æfsati

– the Original Owner of the Acamaz's Flute]. V *Vserossiiskie Millerovskie chteniya* [Then 5th All-Russian Miller Readings]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2016, iss. 5, pp. 47–58.

6. Abaev, V.I. *Izbrannye trudy. V 2 t.* [Selected Works. In 2 volumes]. Vladikavkaz, Ir, 1990. T. 1. *Religiya, fol'klor, literatura* [Vol. 1. Religion. Folklore. Literature]. 640 p.

7. Miller, Vs. *Osetinskie ehtyudy* [Ossetian Studies]. Moscow, Tipografiya A. Ivanova (byvsh. Millera), 1882, Ch. 2. *Issledovaniya* [Part 2. A Research]. 304 p.

8. *Nartovskie skazaniya. Ehpos osetinskogo naroda* [Nart Sagas. The Ossetian National Epic]. Vladikavkaz, Iriston, 2003, vol. 1, 592 p. (in Ossetian).

9. *Nartovskie skazaniya. Ehpos osetinskogo naroda* [Nart Sagas. The Ossetian National Epic]. Vladikavkaz, Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie im. V.A. Gassieva, 2004, vol. 2, 896 p. (in Ossetian).

10. *Amran: osetinskii ehpos* [Amran: The Ossetian Epic]. Vladikavkaz, Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie im. V.A. Gassieva, 2020. 240 p.

11. Takazov, F.M. (comp.). *Legendy o Tsartsia: ehpos osetinskogo naroda* [Legends of the Tsartsia. The Epic of the Ossetian People]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2007. 312 p. (in Ossetian).

12. Boyce, M. *Zoroastriitsy. Verovaniya i obychai* [Zoroastrians: Their Religious Beliefs and Customs]. Moscow, Nauka, 1987. 303 p.

13. Barabanov, O.N. *Xucaw i dauagi: dva nereshennykh voprosa v istoriko-semioticheskom analize dokhristianskikh indoevropskikh verovanii u alanov* [Xucaw and the Dawægs: Two Unresolved Questions in the Historical and Semiotic Analysis of Pre-Christian Indo-European Religious Myths of the Alans]. *Prostranstvo i vremya* [Space and Time]. 2013, no. 4 (14), pp. 111–118.

14. Moskalenko, I.I. *Traditsionnoe soznanie indoiranskikh narodov v ego kul'turno-istoricheskom razvitii* [Traditional Consciousness of Indo-Iranian Peoples in Its Cultural-Historical Development]. Moscow, Triumf, 2018. 257 p.

15. Rak, I.V. *Mify drevnego i rannesrednevekovogo Irana (zoroastrizm)* [Myths of Ancient and Early Medieval Iran (Zoroastrianism)]. St. Petersburg – Moscow, Zhurnal «NevA» – Letnii Sad, 1998. 560 p.

16. *Avesta. «Zakon protiv dehvov» (Videvdat)* [Avesta. The Law Against the Dævs (Videvdat)]. St. Petersburg, Polytechnic University, 2008. 301 p.

17. Eliade, M. *Istoriya very i religioznykh idei. V 3 t.* [A History of Religious Ideas. In 3 volumes]. Moscow, Kriterion, 2001. T. I. *Ot kamennogo veka do Ehlevsinskikh misterii* [Vol. I. From the Stone Age to the Eleusinian Mysteries]. 464 p.

18. Dzhanava, N.A. *Nekotorye mifologicheskie motivy v nartskom ehpose osetin* [Some Mythological Motifs in the Ossetian Nart Epic]. *Voprosy osetinskoi literatury i fol'klora* [Issues of Ossetian Literature and Folklore]. Ordzhonikidze, North Ossetian Research Institute of History, Philology and Economics under the Council of Ministers of the North Ossetian ASSR, 1984, pp. 103–119.

19. *Nartovskie skazaniya. Ehpos osetinskogo naroda* [Nart Sagas. The Ossetian National Epic]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2011, vol. 6. 544 p. (in Ossetian).

20. Takazov, F.M. *Mifologicheskie arkhetyipy modeli mira v osetinskoi kosmogonii* [Mythological Archetypes of the World Model in Ossetian Cosmogony]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2014. 211 p.

21. Kaloev, B.A. (comp.). *Osetiny glazami russkikh i inostrannykh puteshestvennikov (XIII–XIX vv.)* [The Ossetians through the Eyes of Russian and Foreign Travelers (13th–19th Centuries)]. Ordzhonikidze, Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967. 320 p.

22. Kaloev, B.A. *Osetiny. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [The Ossetians. A Historical and Ethnographic Study]. Moscow, Nauka, 2004. 471 p.

23. Kochieva, D.A. *Klyuchevoe slovo «Xucaw» v semantike osetinskikh paremii* [The Key Word "Xucaw" in the Semantics of Ossetian Proverbs]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* [Topical Issues of Philology and Pedagogical Linguistics]. 2016, no. 3, pp. 57–64
24. Abaeva, Z.V. *Ehtyudy po nartovskomu ehposu* [Studies on the Nart Epic]. Tskhinvali, Iryston, 1978. 179 p.
25. *Nartovskie skazaniya. Ehpos osetinskogo naroda* [Narts' Sagas. The Ossetian National Epic]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2010, vol. 5. 766 p. (in Ossetian).
26. Alekseev, A.Yu. *Khronografiya Evropeiskoi Skifii VII-IV vekov do n.eh.* [Chronography of European Scythia of the 7th-4th Centuries BC.]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ehrmitazha, 2003. 416 p.
27. *Nartovskie skazaniya. Ehpos osetinskogo naroda* [Nart Sagas: the Ossetian National Epic]. Vladikavkaz, Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie im. V.A. Gassieva, 2005, vol. 3. 712 p. (in Ossetian).
28. *Ustnoe narodnoe tvorchestvo osetin* [Ossetian Folklore]. Vladikavkaz, Ir, 2007, vol. I. 719 p. (in Ossetian).
29. Rak, I.V. (comp.). *Avesta v russkikh perevodakh (1861–1996)* [Avesta in Russian Translations (1861–1996)]. St. Petersburg, Zhurnal «NevA» – RKHGI, 1997. 480 p.
30. Zheltova, E.V. *Antichnaya traditsiya o persidskikh magakh* [The Ancient Tradition about Persian Magi]. St. Petersburg, St. Petersburg State University, 2011. 144 p.

The article was submitted 13.08.2025,
accepted for publication on 12.09.2025,
published 30.09.2025.